

A young man and woman are standing in a desolate, post-apocalyptic city street. They are both wearing bright orange jackets and carrying large grey backpacks. The man is on the left, looking towards the woman on the right. They are surrounded by rubble, debris, and damaged buildings. In the background, there are power lines and a cloudy sky. The overall mood is one of hardship and survival.

Сергей Гатрушев

Испытание бедностью: цена пустоты

Сергей Патрушев

Испытание бедностью: цена пустоты

<https://litres.ru/73826324>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где мужчины давно превратились в послушных, безропотно отдающих женщинам квартиры, машины и сердца в обмен на призрачную надежду на любовь, он решил сломать систему.

Артём, гениальный айти-миллиардер, пять лет притворялся обычным работягой с завода в драной футболке и стоптанных кедах. Он искал ту единственную, которая полюбит его не за толщину кошелька, а за душу. И нашёл — Алису, скромную библиотечкару с глазами цвета северного неба, которая искренне поверила в его бедность и согрела его сердце настоящим теплом. Но их счастье вызывает лютую, испепеляющую зависть у её бывших подруг — роскошных хищниц, привыкших получать всё по щелчку пальцев. Они объявляют на Артёма настоящую охоту, пуская в ход модельную внешность, грязные манипуляции и даже древнюю магию.

«Испытание бедностью: цена пустоты» — это пронзительная история о том, что богатство измеряется не деньгами, а величиной

сердца, и что за внутреннюю пустоту рано или поздно приходится платить самую высокую цену.

Сергей Патрушев

Испытание бедностью: цена пустоты

Глава первая

Мир, в котором он родился и вырос, был перевернут с ног на голову так давно, что никто уже и не помнил иных времен. Женщины здесь были не просто прекрасным полом — они были сюзеренами, королевами, вершительницами судеб, а мужчины от рождения и до последнего вздоха обречены были на роль свиты. В школах мальчикам на уроках этики вдалбливали простую истину: твоя ценность определяется тем, насколько ты удобен. Удобен в быту, удобен в содержании, удобен в своей безотказности. Из поколения в поколение передавалось это странное, унижительное звание — олень. Сначала юноша расцветал от внимания девушки, он расправлял плечи и с гордостью вел свою избранницу в кино, покупал ей лучшие букеты, брал кредиты на телефоны последней модели и с радостью забирал её с работы на такси, пока она устало смотрела в окно, думая о ком-то другом. Парни искренне верили, что их преданность будет вознаграждена вечной любовью, но финал у этой пьесы всегда был один. Сначала из семьи утекали деньги на ремонт в квар-

тире девушки, потом мужчина оставался без собственного автомобиля, переписанного на неё «ради её же безопасности», а затем, опустошенный, выжатый, как лимон в чай, он получал равнодушное «прости, ты хороший, но я встретила настоящего мужчину». И она уходила к любовнику, который никогда не был оленем, который жил для себя, а «бывший хороший мальчик» оставался один на съёмной хате с дырой в кармане и разбитым сердцем, удивляясь, почему его послушание не принесло счастья.

Он наблюдал за этим с ранних лет. У него было особое зрение, словно кто-то вшил в его разум отладчик, позволяющий видеть исходный код людских отношений. В то время как его сверстники наперегонки бежали выполнять капризы юных красавиц, пытаясь заслужить звание лучшего оленя района, он сидел в своей крохотной комнате, заваленной учебниками по программированию и схемами нейронных сетей. Его душа требовала иного простора — не полей для охоты, а бескрайнего космоса единиц и нулей, из которых, как он знал, можно построить всё что угодно, даже свободу. Он создал свою первую программу в двенадцать лет, в шестнадцать уже консультировал взрослых дядек в пиджаках, а к двадцати пяти годам стал тем, кого называют теневым королем айти-технологий. Его состояние исчислялось суммами с таким количеством нулей, что у обычного человека от них зарябило бы в глазах. Однако, глядя на него, никто бы это-

го не заподозрил. Он сознательно выбрал роль призрака в поношенной одежде. Нарочно покупал дешевые футболки, которые линяли после второй стирки, носил ботинки с треснувшей подошвой и говорил всем, что вкалывает на старом заводе в третью смену. Это была не игра в бедность, это был эксперимент на выживание чувств, и условия его были жесткими.

Целых пять лет он прожил в этой шкуре обычного работника. Пять лет он ходил по улицам, садился в общественный транспорт, протирая локтем запотевшее стекло автобуса, и смотрел, как мимо проплывают огни витрин, в которые он мог бы купить всё, вплоть до самого здания. Он видел, как женщины смотрели сквозь него, как если бы он был пустым местом, фонарным столбом или трещиной на асфальте. Их глаза, красивые, подведенные тушью, сканировали пространство в поисках аксессуаров статуса: кожаный портфель, дорогие часы, брелок от иномарки, небрежно надетый на палец. У него не было ничего из этого. У него были только мозолистые руки (он специально иногда помогал дворнику таскать тяжести, чтобы образ был правдоподобнее) и усталые, но невероятно внимательные глаза. Иногда он пробовал знакомиться, подходил с простыми словами о погоде или книге, которую девушка читала, но его вежливо, а чаще грубо, отшивали. «Слушай, парень, ты, конечно, симпатичный, но на заводе твоём много не заработаешь, а я привыкла хоро-

шо питаться», — бросила ему одна девица с надутыми губами, поправляя брендовую сумочку. Он не обижался. Он записывал это в свой мысленный блокнот как статистическую погрешность, но сердце, несмотря на холодный расчетливый разум, все равно тихо ныло по вечерам в пустой, пусть и роскошной квартире, куда он возвращался, скинув маску работы. Ему было горько и тоскливо от того, что мир действительно оказался болен этой проказой потребительства.

И вот спустя долгие, монотонные шестьдесят месяцев одиночества, когда он почти утратил веру в то, что в этом королевстве кривых зеркал есть хоть одна живая душа, произошла встреча, расколовшая его реальность надвое. Был тихий сентябрьский вечер, солнце клонилось к закату, заливая старый городской парк густым золотым сиропом. Листья шуршали под ногами, пахло прелой травой и немного сыростью от пруда. Он пришел сюда после очередной смены на «заводе» (на самом деле после восьмичасового совещания с инвесторами по видеосвязи, где он был одет с иголки, а сейчас переоделся в рваные джинсы в подсобке кофейни). На скамейке, той самой, что стояла у старого дуба, ствол которого был покрыт трещинами, как вены на руках старика, сидела девушка. Она была настолько не похожа на тех, кого он видел в городе, что его ноги сами замедлили шаг. Алиса, как выяснилось позже, была красива той редкой, акварельной красотой, которая не бросается в глаза кричащими лей-

блами, а проникает под кожу постепенно, как теплый свет. У неё были длинные светлые волосы, не платиновый, выжженный блонд, а цвет спелой пшеницы под мягким августовским солнцем, они чуть вились от влажности и выбивались из-под простого вязаного берета. Глаза — огромные, серо-голубые, цвета северного неба перед снегопадом, смотрели не оценивающе, а с легкой задумчивой грустью. Она сидела, поджав под себя ноги в потертых джинсах, и держала в тонких пальцах с облупленным лаком потрепанный томик Есенина, а во второй руке у неё было дешевое ванильное мороженое в вафельном стаканчике, которое чуть подтаивало и капало на серый асфальт.

Он не хотел спугнуть это видение дежурной фразой о знакомстве. Он просто сел на противоположный край скамейки, стараясь не скрипеть старыми пружинами. Внутри него шла борьба: «Она такая же, как все, не смотри, уходи, береги сердце», — шептал опыт. Но сердце, глупое и живое, колотилось так, словно просилось наружу, к этому свету. Алиса первая подняла взгляд и, заметив его потертые ботинки, вдруг улыбнулась. Это была удивительная улыбка — она была не для камеры, а для души, уголки губ дрогнули так искренне, что у него перехватило дыхание. «Вы любите осень? — спросила она тихо, и голос её оказался чуть хриловатым, обволакивающим. — Или вы, как и многие, думаете, что это время умирания?» Он, привыкший к грубости и меркан-

тильным вопросам, на секунду растерялся. Никто не спрашивал его о душе. Никто не интересовался его мыслями о временах года. «Я думаю, это время сбрасывания лишнего, — ответил он, глядя не на неё, а на огромный дуб перед ними. — Деревья ведь не умирают, они просто отпускают листву, чтобы пережить зиму и снова расцвести». Алиса повернулась к нему всем корпусом, и в её глазах зажегся огонек неподдельного интереса. Она угостила его мороженым, отломив половинку хрустящего стаканчика, и они проговорили до самой темноты.

Она рассказывала, как работает в маленькой библиотеке, где пахнет книжной пылью и временем, где зарплата едва превышает плату за комнату в коммуналке, но зато вокруг столько миров. Он слушал её и чувствовал, как трескается ледяной панцирь, который он наращивал пять лет. Мысли Алисы в тот вечер были такими же простыми и ясными, как её улыбка. Она смотрела на этого усталого парня с завода, видела его обветренные руки, воротник старой рубашки, который был чуть потерт, и думала: «Как же ему, наверное, тяжело. Он ведь целыми днями у станка, и у него такие добрые, грустные глаза, как у собаки, которую когда-то предали, а она всё равно верит человеку. В нём нет этой мерзкой самоуверенности богатых мальчиков, которые считают, что за деньги можно купить вздох». Она думала о том, что впервые за долгое время ей просто спокойно и тепло сидеть рядом с

кем-то, не нужно играть роль, не нужно оценивать толщину кошелька. Ей хотелось просто закутать его в плед и напоить чаем с лимоном. В его усталости она видела не бедность, а труд и достоинство. И чем больше она слушала его неспешные рассказы о том, как пахнет раскаленный металл и как красиво искры летят из-под резца (он знал это, потому что однажды снимал цех для своих разработок), тем больше её душа тянулась к нему, словно росток к свету. Она полюбила его бедного. Полюбила за то, как он морщил нос, когда ветер бросал в лицо холодные капли дождя, за то, как он галантно подавал ей руку, переходя через лужу, не боясь испачкать свои и без того старые джинсы.

Их роман развивался вопреки всем законам того самого женского общества. Они гуляли по крышам, куда он знал все проходы (благодаря юношескому увлечению паркуром и доступу к любым чертежам города), они пили растворимый кофе из термоса, сидя на нагретых за день трубах теплотрассы, и смотрели на звезды. Алиса не просила рестораны. Она искренне радовалась букету полевых ромашек, которые он набрал тайком в лесополосе за чертой города. Она стала отличной девушкой, любящей и трепетной. Когда он простужался на своем «заводе», она прибежала к нему с домашним куриным бульоном в старой банке и поила его с ложечки, целуя в горячий лоб и шепча ласковые глупости. Её душа была чиста, как горный ручей, и в этой чистоте не было ме-

ста для корысти. Внутри него росло странное, давно забытое чувство — благодарность пополам со страхом. Страхом, что он слишком долго лжет. Он ведь не тот, за кого себя выдает. Его жизнь — это не смены на заводе, а сделки на миллионы, и его старая куртка — это всего лишь театральный реквизит в спектакле под названием «поиск человека».

Истина вскрылась внезапно, словно весенний лед на реке, когда его уже невозможно сдержать. Они стояли на смотровой площадке самого высокого небоскреба, куда он привел её под предлогом «у друга здесь пропуск на техэтаж». Город лежал внизу россыпью бриллиантов, ветер трепал её пшеничные волосы, она смеялась и прижималась к нему, пытаясь согреться в его простой ветровке. И тогда он решил. Он взял её холодные ладони в свои, посмотрел прямо в эти бездонные серо-голубые глаза и тихо сказал: «Алиса, я должен тебе кое-что показать. Это важно». Её сердце в тот момент екнуло от страха. Она подумала о самом худшем: он неизлечимо болен, он должен уехать, он встретил другую. По её щеке скатилась одинокая слеза, быстрая, как капля дождя по стеклу. «Что случилось? Ты меня пугаешь...», — прошептала она, вглядываясь в его ставшее вдруг серьезным лицо. Вместо ответа он достал телефон и молча показал ей несколько банковских приложений, документы на владение айти-корпорацией и патентами. Мир Алисы в ту секунду рухнул, но не из-за жадности. Просто огромное количество

нулей в графе «баланс» не вязалось с порванными шнурками его ботинок. Она ошеломленно молчала, прижав ладони к раскрасневшимся от ветра щекам. Мысли в её голове неслись галопом: «Это правда? Этого не может быть. Боже, я же жалела его, когда у него не было денег на такси и мы мокли под дождем. Я же варила ему дешевые макароны и думала, что мы копим на старое кресло. Он всё это время мог купить этот город, но молчал. Зачем? Почему он носил эту старую рвань и слушал, как я мечтаю о том, что когда-нибудь мы сможем позволить себе поездку на море в Анапу, а не в Ниццу?»

Она посмотрела на него не как на кошелек, который внезапно распахнулся. Она посмотрела на него как на человека, который вынес ради неё чудовищную проверку. В её глазах стояли слезы, крупные, настоящие, не разбавленные фальшью. «Дурак ты, — прошептала она, и голос её дрожал от смеси шока и нежности. — Господи, какой же ты дурак. Я же тебя не за деньги... Я же тебя просто... за то, что ты есть, полюбила. За то, как ты смотришь на звезды. За то, как ты улыбаешься, когда пьешь чай. Мне всё равно, миллиардер ты или дворник, я люблю того парня с завода, потому что этот парень — это ты». Услышав эти слова, он, человек, управляющий виртуальными империями и никогда не плачущий, почувствовал, как по его щеке скатилась одна-единственная, скуная мужская слеза. Всё встало на свои места. Экспери-

мент закончился триумфом человечности. С того вечера он больше не прятал свои возможности. Он стал дарить ей дорогие подарки, о которых она и мечтать не могла, он одел её в шелка и окружил комфортом, достойным королевы. Он покупал ей недвижимость и картины, но самым дорогим подарком для неё оставался тот самый старый томик Есенина с дарственной надписью, сделанной его рукой. И Алиса, стоя в роскошном платье посреди пентхауса с видом на весь мир, осталась любить его точно так же, как в самый первый день их встречи на той скрипучей скамейке в осеннем парке, когда главным его богатством были не биткоины на счетах, а умение слышать шелест листьев и ванильное мороженое, поделенное на двоих.

Глава вторая

Самолет мягко коснулся шасси раскаленной полосы аэропорта Хургады, и уже через несколько часов, когда солнце начало клониться к горизонту, окрашивая всё вокруг в немыслимые оттенки охры и пурпура, они лежали на песке вдвоем. Это был тот самый долгожданный отпуск, о котором Алиса даже мечтать не смела в своей прошлой жизни среди библиотечной пыли и коммунальных коридоров, а теперь он стал реальностью, подаренной ей любимым мужчиной с той же легкостью, с какой дарят букет полевых цветов. Египетская пустыня дышала в спину сухим тысячелет-

ним жаром, но здесь, у кромки Красного моря, воздух был напоен солью, йодом и какой-то древней, библейской безмятежностью. Волны накатывали на берег с тихим, убаюкивающим шипением, словно огромный ласковый зверь лизал песок своим белопенным языком и отступал обратно в темнеющую синеву, унося с собой дневные тревоги и суету. Они выбрали место подальше от шумных бассейнов и аниматоров отеля, там, где пляж становился диким и почти безлюдным, где можно было слышать не чужие разговоры о кредитах и сплетнях, а голос собственной души и дыхание любимого человека в унисон с шорохом прибоя.

Они лежали на мягких махровых полотенцах, постеленных прямо на теплый, как печь, но уже остывающий песок. Песок здесь был особенный — мелкий, как пудра, цвета топленого молока с легкой рыжиной, он набивался в волосы и складки одежды, но это совсем не раздражало, а наоборот, создавало ощущение первобытного единения с планетой. Он лежал на спине, закинув руки за голову и глядя в бездонный купол неба, где одна за другой начинали загораться колючие, невероятно яркие южные звезды. Рядом с ним, положив голову ему на плечо и уткнувшись носом в его шею, устроилась Алиса. Её пшеничные волосы растрепались и смешались с песчинками, на щеках играл легкий румянец от загара, а глаза, эти серо-голубые озера северного неба, сейчас отражали в себе не облака, а первую вечернюю звезду, за-

жегшуюся над горизонтом. Она была одета в простой белый сарафан, который уже успел немного помяться, а он в легкие льняные брюки и расстегнутую рубашку, и в этой простой одежде не было и намека на миллионы на банковских счетах — только счастье двух людей, нашедших друг друга в огромном и сложном мире. Вокруг стояла та особенная тишина, какая бывает только в пустыне у моря, когда смолкают дневные птицы, а ночные еще не проснулись, и только ветер, теплый и ласковый, словно дыхание спящего ребенка, иногда шевелил складки их одежды и приносил запах далеких костров и пряностей.

И в этой идиллической тишине вдруг раздался её смех. Не громкий, не наигранный, а тихий, переливчатый, как звон маленького серебряного колокольчика, который ветер доносит из горного монастыря. Она смеялась, уткнувшись лицом в его плечо, и тело её мелко вздрагивало от приступа веселья. «Что такое, звёздочка моя?» — спросил он, поворачивая голову и целуя её в макушку, от которой пахло кокосовым маслом и солнцем. Его голос был полон ленивого, тягучего, как патока, счастья. «Я просто вспомнила, — сквозь смех проговорила Алиса, пытаясь отдышаться и вытирая выступившие от смеха слезы уголком сарафана, — я вспомнила, как однажды в библиотеку пришла одна очень важная дама, вся в бриллиантах и с болонкой под мышкой, и попросила у меня "книжку про любовь, но обязательно с хорошим концом и

чтоб герой был генерал, а она бедная учительница". Я ей дала "Анну Каренину", но забыла предупредить, что там конец... транспортный. Ты бы видел её лицо через неделю! Она примчалась красная, как вареный рак, и кричала, что я испортила ей нервную систему на весь курортный сезон!» Он фыркнул, представив эту картину: солидная матрона с собачкой, трясущая томиком Толстого и проклиная русскую классику. Его смех подхватил её смех, и над пустынным пляжем прокатилась волна искреннего, чистого веселья, спугнув пару чаек, дремавших на старом пирсе неподалеку. «Бедная женщина, — отсмеявшись, сказал он, глядя Алису по мягким волосам. — Она ведь хотела просто отдохнуть, а тут ты со своим высоким искусством. Но зато, думаю, "Каренину" она теперь запомнит на всю жизнь».

«А у меня была история покруче, — вдруг сказал он, и в его голосе появилась та особая интонация, с которой рассказывают анекдоты, зная, что развязка будет неожиданной. — Ты ведь знаешь, я пять лет притворялся работягой с завода. Это целая наука, между прочим. Однажды я решил, что для полной аутентичности образа мне нужно устроиться на завод по-настоящему. Ну, хотя бы на пару недель, чтобы напитаться этой атмосферой, понюхать запах металла и машинного масла, чтобы в глазах появилась та самая усталость. Я нашел небольшой заводик на окраине, производство каких-то шурупов или гаек, пришел в своем поношенном ват-

нике, сказал, что я простой парень Вася из области, и меня взяли подсобным рабочим. И вот, представь картину: миллиардер, владелец патентов на нейросети, таскает ящики с болванками и драит полы в цеху вонючей тряпкой. В первый же день ко мне подходит мастер, дядька с огромными, как клешни, руками и золотыми зубами, хлопает меня по плечу так, что я чуть не упал в бак с эмульсией, и говорит: "Слышь, новенький, тут бабы наши тебя заприметили. Ты симпатичный, говорят. Но ты не вздумай с ними шуры-муры, они тебя вычислят, что ты бедный, и заклюют". И я киваю, а сам думаю: "Знали бы вы, дядька, кто я на самом деле, и насколько ваши бабы для меня не опасны"». Алиса захихикала, перевернувшись на живот и подперев подбородок ладошками. Она смотрела на него с нежностью и восхищением, представляя, как этот взрослый, умный мужчина, управляющий корпорациями, стоял в грязном цеху и слушал наставления старого мастерового. «И долго ты там продержался, мой бедный олигарх?» — спросила она, кокетливо вытягивая губы. «Ровно три дня, — вздохнул он с шутливым сожалением. — На третий день я заснул прямо на мешках с цементом в подсобке. Сказалась привычка к удобному креслу и восьмичасовому сну. Меня нашел тот самый мастер и, решив, что я упился с горя, плеснул в лицо водой из ведра для мытья пола. Вода была холодная и пахла ржавчиной. Я вскочил, стукнулся головой о трубу, и в глазах у меня поплыли нули моего банковского счета. В общем, с завода я уволился в тот же день,

сказавшись больным радикулитом. Но ощущение мозолей на руках и запах солярки остались со мной на всю жизнь, как напоминание о том, что не всё в мире решается кодом».

Они снова зашлись смехом, да так, что на глазах выступили слезы. Волны в такт их смеху с шумом накатывали на берег, а потемневшее небо над Синайским полуостровом окончательно покрылось звездной россыпью, такой густой и яркой, что, казалось, можно протянуть руку и зачерпнуть эту серебряную пыльцу ладонью. Алиса притихла, глядя на этот космический купол, и её рука нашла его ладонь, переплелась пальцами с его пальцами — мозолистыми от её воображения, но на самом деле гладкими и сильными пальцами человека, работающего головой. «Знаешь, о чем я думаю?» — прошептала она, не поворачивая головы, её голос был едва слышен из-за шума ветра. «О том, как прекрасно, что ты не миллионер, а я не библиотечарша, которая мечтает о генерале?» — пошутил он, но в его шутке слышалась бесконечная благодарность. «Нет, — она мотнула головой, и свет далеких звезд отразился в её расширенных зрачках. — Я думаю о том, что все эти пять лет ты искал меня, но и я ведь тоже тебя ждала. Я сидела в своей библиотеке, пахнувшей старыми книгами, разбирала формуляры и верила, что однажды придет кто-то, кому будут важны не мои туфли и не моя зарплата, а то, как я смеюсь и как я люблю Есенина. Я не знала, богат ты или беден. Я просто просила у судьбы человека,

рядом с которым можно лежать вот так, на песке в Египте, и смеяться до слез, рассказывая глупые истории. И судьба привела тебя. И ты оказался богаче всех генералов и олигархов вместе взятых, потому что у тебя самая добрая душа из всех, что я встречала». Он молчал, потрясенный простотой и глубиной её слов. В горле у него встал ком, тот самый, мужской, который невозможно проглотить. Он не нашелся, что ответить, да и не нужно было слов. Он просто притянул её к себе, и она снова устроилась у него на плече, уткнувшись носом в его шею, туда, где билась жилка. Море продолжало шептать свои вечные истины, звезды равнодушно мерцали, а на пляже, лёжа на песке в Египте, два человека были бесконечно счастливы, потому что любили друг друга не за фасады, а за ту суть, что открывается только в такие вечера, под шелест волн и тихий смех. Они лежали так долго, пока песок не стал совсем холодным, а луна не выкатилась огромным оранжевым апельсином из-за гор, заливая всё вокруг призрачным серебряным светом, и в этом свете их счастье казалось вечным и нерушимым, как сами эти древние горы и это бескрайнее море.

Глава третья

Возвращение в город после египетской сказки всегда дается с трудом, словно сдираешь с себя тонкую золотистую кожу загара вместе с ощущением бесконечного счастья, но Алиса

вернулась окрыленной и светящейся изнутри, как напитавшийся солнцем янтарь, и даже серые панельные дома родного района казались ей теперь не унылыми коробками, а частью большого и сложного мира, в котором ей выпало невероятное счастье любить и быть любимой. С подругами она не виделась почти два месяца, с того самого момента, как в её жизни появился он, её загадочный и такой родной человек в потертой одежде и с глазами, полными невысказанной глубины, и теперь, движимая желанием поделиться своим счастьем, она согласилась встретиться с ними в летнем кафе на набережной, том самом месте, где они обычно собирались по пятницам, чтобы обсудить свои женские дела, пожаловаться на мужчин-олений и похвастаться новыми сумочками, подаренными очередными поклонниками, которых они держали на коротком поводке и без особого сожаления меняли раз в сезон. День выдался теплый, но ветреный, с реки тянуло прохладой и запахом водорослей, небо хмурилось сизыми облаками, предвещая скорый дождь, и Алиса, накинув легкий плащ поверх простого платья, пришла пешком, наслаждаясь каждым шагом, каждой каплей этого обычного городского вечера, который теперь, после всего пережитого, казался ей наполненным особенным смыслом и тихой радостью.

Подруги уже сидели за столиком под большим зонтом, потягивая разноцветные коктейли из высоких бокалов и лениво листая ленты социальных сетей на телефонах в дорогах

чехлах, усыпанных стразами. Их было трое: Карина, высокая брюнетка с острым, как лезвие, языком и вечно недовольным выражением на холеном лице, одетая во всё брендовое и гремящая золотыми браслетами при каждом движении, Даша, пухленькая блондинка с нарочито наивными голубыми глазами и хитрой, расчетливой улыбкой, которая любила прикидываться простушкой, но умела считать чужие деньги быстрее любого банковского клерка, и Марина, рыжеволосая хохотушка с вечным маникюром цвета фуксии, которая, впрочем, смеялась только тогда, когда это было выгодно, а в остальное время её лицо выражало скуку и пресыщенность жизнью. Завидев Алису, они оживились, замахали руками, заулыбались дежурными улыбками, и Карина тут же, не дав ей даже присесть, выпалила с порога: «Ну наконец-то, пропащая душа! Мы уж думали, ты там в своей библиотеке заросла пылью или, чего доброго, замуж выскочила за какого-нибудь доходягу-читателя! Рассказывай, где пропадала? И, кстати, что это за слухи ходят, что ты с каким-то парнем зажигаешь?» Алиса улыбнулась своей новой, спокойной и лучезарной улыбкой, которая так не вязалась с её прежним, немного испуганным и застенчивым образом, села за столик и заказала себе обычный зеленый чай, чем вызвала снисходительные усмешки подруг, потягивающих дорогие коктейли. «Да, я встретила человека, — сказала она просто, и в голосе её было столько тепла и уверенности, что подруги на мгновение даже перестали жевать соломинки. —

Его зовут... ну, допустим, Артем. И я его очень, очень люблю».

«Ну-ка, ну-ка, показывай фото! — тут же потребовала Даша, хлопая накладными ресницами и пододвигаясь ближе, словно гончая, почуявшая след. — Что за принц такой, что наша тихоня Алиса расцвела, как майская роза на навозе?» Алиса с некоторым смущением достала телефон и показала им фотографию, сделанную еще до Египта, в старом парке на той самой скамейке, где всё началось. На фото он был в своей обычной одежде: простая черная футболка, уже немного выцветшая от стирок, старые джинсы с потертостями на коленях, кеды, выдавшие лучшие времена, и его обычная добрая, чуть усталая улыбка на красивом, мужественном лице. В ту же секунду за столиком повисла гробовая тишина, а потом грянул гром — только не с небес, а из уст Карины. «Это что за стремный парень в черной футболке? — воскликнула она, откидываясь на спинку стула с таким видом, словно ей показали таракана в тарелке. — Алиса, ты с ума сошла? Ты посмотри на него! Футболка с рынка за триста рублей, кеды просят каши, и этот... этот взгляд, как у голодного щенка! Это же нищюк, самый натуральный нищюк! Бедный, как церковная мышь, это же видно за километр!» Даша подхватила эстафету, картинно закатывая глаза к небу и обмахиваясь меню, как веером: «Боже мой, Алиса, ну ты даешь. Ну да, он красивый, мы не спорим, мордашка симпатичная, но

что толку с этой красотой, если за душой ни гроша? Ты что, будешь его содержать? Покупать ему носки и кормить макаронами до конца жизни? Милая моя, красота приедается через месяц, а кушать хочется каждый день. Бросай его, пока не поздно, пока он тебя не объел и не повесил на тебя свои кредиты!» Марина, рыжая хохотушка, на этот раз даже не смеялась, она лишь презрительно поджала губы и добавила, помешивая коктейль трубочкой: «Я вообще не понимаю, как можно полюбить бедного. Это же какая-то форма мазохизма. Ты посмотри на нас: у Карины Стас, он, конечно, лысоват и скучноват, но зато у него сеть автомоек, и он ей шубу купил. У Даши Игорь, он староват, но у него строительный бизнес, и она на море летает три раза в год. А у меня Сережа, он просто папин сынок, но папа у него нефтяной. А у тебя кто? Работяга с завода? В черной футболке? Это же смешно, Алиса, честное слово, смешно и грустно».

Алиса слушала их и чувствовала, как внутри неё поднимается не гнев и не обида, а какое-то новое, доселе незнакомое чувство — чувство глубочайшей жалости к этим женщинам, сидящим перед ней с бокалами, полными цветного спирта и пустоты. Она смотрела на их напряженные лица, на их искусственные улыбки, на их руки, унизанные кольцами, подаренными не от любви, а от чувства собственности, и понимала, что они никогда не испытывали того, что испытывает она. Они никогда не лежали на песке под египетскими

звездами и не смеялись до слез над глупыми историями, потому что их мужчины не умеют смеяться, они умеют только платить. Они никогда не варили куриный бульон больному любимому и не целовали его в горячий лоб с трепетом и нежностью, потому что их мужчины болеют в своих пентхаусах под присмотром наемных сиделок. И тогда Алиса приняла решение. Она сделала глоток остывшего чая, обвела подруг спокойным, ясным взглядом своих серо-голубых глаз, в которых плясали чертики, и заговорила. Голос её был тих, но каждое слово падало в тишину, как тяжелые капли дождя по жестяному подоконнику. «Вы спрашиваете, как можно полюбить бедного? — начала она, и на её губах играла легкая, загадочная улыбка. — Вы правы, он не носит дорогих часов и не брызгается парфюмом за ползарплаты. Но я расскажу вам о его достоинствах, раз вы так интересуетесь. Во-первых, он самый умный человек из всех, кого я встречала. Он может говорить со мной о звездах и о поэзии, о квантовой физике и о строении цветка так, что у меня захватывает дух. Во-вторых, он самый добрый. Он никогда не пройдет мимо бездомного котенка и всегда подаст руку старушке, выходящей из автобуса, и делает он это не напоказ, а потому что у него душа такая — светлая и чистая. В-третьих, он самый заботливый. Когда я болею, он сидит рядом, держит меня за руку и читает мне вслух мои любимые стихи, и мне не нужны никакие лекарства, кроме его голоса. В-четвертых, он самый веселый, с ним я смеюсь так, как не смеялась никогда в жиз-

ни, и этот смех лечит мою душу лучше любого психолога. В-пятых, он самый честный и верный, он смотрит на меня так, словно я единственная женщина на этой планете, и в его взгляде нет ни грамма фальши или похоти, только бесконечная любовь и уважение. Я могу перечислять его достоинства до утра, но вы всё равно не поймете, потому что измеряете людей толщиной кошелька, а я измеряю их величиной сердца. И да, вы правы, он не бедный. Он богаче всех ваших Ставов, Игорей и Сереж вместе взятых, потому что у него есть то, чего не купить за все нефтяные деньги мира, — душа».

Подруги слушали её, открыв рты, но в их глазах всё еще плескалось презрение пополам с недоумением. Они уже собирались разразиться новой порцией насмешек и «полезных советов», как вдруг случилось то, что заставило их буквально окаменеть. К летнему кафе, мягко шурша шинами по брусчатке, подъехал автомобиль. Но это был не просто автомобиль, а настоящий зверь, редкий хищник городских джунглей — новенький BMW, сверкающий глубоким, благородным черным цветом, переливающимся в лучах заходящего солнца синими и фиолетовыми искрами, словно крыло ворона. Это была не рядовая модель, которую можно встретить на каждой парковке, а редкая, штучная версия, которую под заказ ждут месяцами и которая стоит как хорошая квартира в центре, и подруги, прекрасно разбиравшиеся в ценах на мужские игрушки и статусные вещи, это мгновенно поняли.

Из машины вышел мужчина в строгом черном костюме, белой рубашке и с галстуком-бабочкой, подошел к Алисе, почтительно поклонился и произнес: «Алиса Викторовна, Артем Дмитриевич просил передать вам ключи от вашего нового автомобиля. Он хотел приехать лично, но задержался на важных переговорах и просит прощения. Он сказал, что вы хотели попробовать эту модель, и он не мог вам отказать». Водитель передал Алисе ключ с фирменным логотипом и, еще раз поклонившись, удалился, оставив девушек в состоянии полнейшего шока.

Тишину, повисшую над столиком, можно было резать ножом. Карина, Даша и Марина смотрели на ключ в руках Алисы, потом на автомобиль, потом снова на ключ, и их лица медленно, словно по волшебству, меняли выражение с презрительного на изумленное, а затем на то самое, которое люди называют «ахуели». Челюсть Карины буквально отвисла, и она, забыв про свой дорогой коктейль, пролила его на брендовую юбку, даже не заметив этого. «Это... это что? — пролепетала она, заикаясь. — Это твой? Твой парень подарил тебе ЭТО? Тот самый парень в черной футболке и драных кедах?» Даша судорожно сглотнула, её голубые глаза стали размером с блюдца, и она прошептала, вцепившись побелевшими пальцами в край стола: «Так он... он что, миллионер? Мать честная, Алиска, ты нашла миллионера? Богатого? Очень богатого? И молчала? Ты всё это время знала

и молчала, пока мы тебя жалели?» Марина же, рыжая хохотушка, издала какой-то неопределенный звук, похожий на сдавленный писк, и её лицо, обычно такое самодовольное, исказилось гримасой жгучей, черной, как деготь, зависти. Они переглянулись между собой, и в их взглядах читалась одна и та же мысль, которая жгла их изнутри похлеще кислоты: «Почему она? Почему эта тихоня из библиотеки, эта серая мышка, которая довольствовалась малым, отхватила такого? Почему не мы? Мы же круче, мы же красивее, мы же умеем охотиться на богатых! Почему ей достался молодой, красивый, щедрый и, судя по всему, безумно влюбленный миллионер, а нам — лысые, старые и скупые?»

В этот момент одна из них, кажется, Карина, вдруг нахмурилась и, пытаясь зацепиться хоть за какую-то логическую нестыковку, спросила дрожащим голосом: «Подожди... Но если он такой богатый, почему он не приехал за тобой на какой-нибудь Ладе Гранте или на такси, как обычно делают нищие? Почему ты уезжаешь на новеньком BMW, да еще и на таком редком? Где его машина?» Алиса, уже вставшая из-за стола и поправлявшая свой простой плащ, повернулась к ним, и в её глазах сияла тихая победа, но не злорадная, а какая-то усталая и мудрая. «Потому что, девочки, — сказала она, и её голос прозвучал как приговор их старому, мелочному миру, — он приехал на другой, у него их несколько. А эта БМВ — это его подарок мне. Просто подарок. Пото-

му что он любит меня и хочет, чтобы я была счастлива. А Лада Гранта... Знаете, на Ладе Гранте он ездил, когда притворился бедным, чтобы найти ту, которая полюбит его не за деньги, а за душу. И он её нашел. Так что, девочки, учитесь любить не кошелек, а человека, и тогда, возможно, судьба и вам улыбнется. Хотя, зная вас, вряд ли». С этими словами она села в свой новый, ослепительно красивый автомобиль, завела мотор, который заурчал, как сытый и довольный лев, и плавно уехала в сгущающиеся сумерки, оставив трех своих подруг сидеть за столиком с остывшими коктейлями, разбитыми иллюзиями и жгучей, невыносимой завистью, разъедающей их души сильнее любого яда. Они смотрели вслед удаляющимся красным габаритным огням и понимали, что проиграли по всем фронтам, и проиграли той, кого всегда считали слабее и глупее себя, и от этого осознания им хотелось выть на луну, но они лишь молча заказали себе еще по коктейлю, на этот раз самых крепких и самых горьких.

Глава четвёртая

После того памятного вечера с подругами, когда Алиса уехала в сверкающую грозовую даль на своём новом редком BMW, оставив позади шлейф чужой зависти и собственного тихого торжества, ей захотелось чего-то совершенно противоположного — не роскоши, не блеска, не пафосных ресторанов с официантами в белых перчатках, а простого, тёпло-

го, уютного вечера, где можно быть собой, без макияжа, в растянутых домашних штанах и с пучком на голове, и где единственным свидетелем твоего счастья будет он, её загадочный и такой родной Артём. И он, словно прочитав её мысли на расстоянии, позвонил в тот же вечер и сказал своим низким, обволакивающим голосом, от которого у неё по коже бежали мурашки: «Слушай, звёздочка, у меня есть одна идея. Давай сегодня никуда не пойдём. Никаких ресторанов, никаких светских выходов. Я хочу показать тебе кое-что очень важное для меня. Это... ну, это как машина времени. Одевайся во всё самое удобное, бери сумку и приезжай. Будем играть». Алиса, услышав слово «играть», сначала удивилась, а потом её губы расплылись в тёплой, предвкушающей улыбке. Она поняла, что он хочет впустить её в ещё один потайной уголок своей души, в тот мир, который существовал задолго до её появления, но который сформировал его таким, каким она его полюбила. Она надела свои любимые мягкие спортивные штаны, старую толстовку с выцветшим принтом какого-то рок-фестиваля, собрала волосы в небрежный хвост и, захватив пакет с мандаринами и шоколадными пряниками, поехала к нему, чувствуя себя не владелицей дорогого автомобиля, а обычной девчонкой, спешащей на свидание к своему парню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.